

ТРОЙКА ПО ФИЗИКЕ¹

Лев Шейнин

Ученик шестого класса тринадцатилетний Юра Колесов повесился на том самом узком ремне, которым его выпорол, за три часа до самоубийства, отец — Николай Сергеевич Колесов, работающий мастером на заводе.

Когда поступило сообщение о случившемся, мы выехали вместе с работниками милиции в квартиру Колесовых, проживавших в заводском доме на окраине Москвы. Мальчик уже был снят с петли, и тело его лежало на диване в небольшой, очень чистой столовой. В соседней комнате рыдал отец Юры — крепкий ещё человек, с открытым и добрым лицом, теперь искажённым страшным горем.

Он бросился к нам, когда мы вошли в квартиру, крича:

— Это я, я во всём виноват! Я погубил Юрочку! Прошу вас — отправьте меня в тюрьму, скорее отправьте я тюрьму!..

Его жены — матери Юрия — в квартире не было. Её увели соседки, с трудом оторвав от мёртвого сына.

Мы приступили к осмотру места происшествия, а затем начали выяснять подробности случившегося. Юра оставил короткую записку, в которой написал карандашом, косым, ещё детским почерком, такие слова:

«Папочка, прости меня за тройку. Жить больше не хочу. Прощайте, дорогие мама и папа! Ваш Юра».

Эту записку и тело повесившегося мальчика родители обнаружили, возвратясь домой из кино, куда они пошли после того, как отец наказал Юру.

Порка ребёнка отвратительна сама по себе. Она тройне ужасна, когда приводит к таким последствиям. И вина в самоубийстве сына казалась на первый взгляд бесспорной, тем более что он сам об этом кричал. Одним словом, в первые часы пребывания в квартире Колесовых мы, работники прокуратуры и милиции, были склонны винить отца Юры. Сама собой напрашивалась простая и ясная схема — жестокий и грубый отец выпорол мальчика, получившего в школе тройку по физике, и этим довёл его до самоубийства. Налицо все основания привлечь его к уголовной ответственности.

Но дело в том, что жизнь почти всегда сложнее формальной статьи закона, как бы ни был безупречен этот закон. Лаконичный и чёткий текст любой статьи Уголовного кодекса не может предвидеть, охватить и справедливо оценить все случаи правонарушения, его подлинные мотивы и цели, личность правонарушителя, особенности его психики и культурного уровня, душевное состояние, в котором он совершил правонарушение, — одним словом, всё то, что делает каждое преступление и каждого преступника неповторимым, при всей внешней схожести ими содеянного и полной аналогии обстоятельств, методов и последствий преступления.

Вот почему наше уголовное право обязывает и следственные, и судебные органы выяснять не только факт преступления, но и личность человека, его совершившего, выяснять не только то, что говорит против обвиняемого, но и всё, что говорит за него или, во всяком случае, смягчает его вину.

Криминалист, видящий только поверхность случившегося, только внешние формы преступления и ограничивающийся «подведением» под это определённой статьи, наивно полагая, что этим исчерпывается его служебный долг, — менее и хуже всего служит правосудию в высоком смысле этого слова и нередко, даже не сознавая этого, действует против духа закона, а не в защиту его, хотя формально его действия выглядят безупречно: преступление раскрыто, преступник найден, ему предъявлено обвинение по определённой статье, прямо предусматривающей это преступление. А на самом деле про-

1

Публикуется по:
Шейнин Л. Записки
следователя. М.:
Художественная
литература, 1979.

исходит в таких случаях как раз то, о чём Ленин писал: формально правильно, а по существу издевательство...

Подавляющее большинство так называемых судебных ошибок связано именно с таким, чисто формальным подходом к делу, ошибок тем более опасных, что заметить и исправить их трудно — ведь со стороны формы в деле всё вроде бы правильно, все процессуальные нормы как бы соблюдены и закон применён точно. Вот откуда взялась горькая и глубокая народная поговорка — судить по совести, а не по закону. Поговорка эта сложилась давно, ещё в царские времена, когда действовали враждебные народу законы. Но в наше время можно сказать — судить и по совести, и по закону, потому что совесть и закон должны не только не противоречить, а, напротив, одна другим подкрепляться.

В результате тщательного расследования дела о самоубийстве Юры Колесова были установлены такие внешние обстоятельства: Юра был единственным сыном в семье Колесова. Он хорошо учился, но, перейдя в шестой класс, начал отставать. Это объяснялось тем, что Юра стал увлекаться спортом и не так старательно, как прежде, готовил уроки. Родителей вызвали в школу и предупредили о том, что мальчик стал хуже учиться. Отец Юры, привыкший к его школьным успехам, вернувшись домой, «крепко» поговорил с сыном, предупредив его, что если он не наверстает отставание, то будет наказан. Юра обещал подтянуться.

В тот трагический день, когда произошло самоубийство, Юра получил в школе тройку по физике. Оставшись после урока, он подошёл к учительнице и стал её умолять изменить отметку.

— Анна Петровна, не ради меня, ради папы сделайте, — лепетал мальчик. — Я ведь случайно не ответил — такой попался вопрос... Даю вам честное пионерское — всё опять выучу, всё повторю...

Молоденькая учительница растерялась. Она видела, как испуган и расстроен мальчик, и ей было искренне жаль его. С другой стороны, он действительно плохо ответил, и она подумала, что тройка заставит его лучше заниматься и поможет ему подтянуться. Наконец, как это нередко случается с молодыми педагогами, она очень заботилась о своём престиже и опасалась, что если она изменит отметку, то это нанесёт урон этому престижу. Да, мы часто в молодости своеобразно понимаем этот самый престиж и во имя его допускаем, увы, иногда ошибки, которые-то и подрывают его!.. Лишь много лет спустя, с годами, мы начинаем понимать, что только правда, доброта и человечность — основа подлинного престижа и что самые высокие авторитеты, созданные вопреки этой основе, неизбежно, рано или поздно, рушатся...

И Анна Петровна, сделав строгое лицо, отказала Юре. Он пришёл домой и на вопрос отца об отметке сказал, что получил тройку. Отец пришёл в ярость и выпорол сына. Мать, заплакав, выбежала из квартиры — она не могла этого видеть.

Предложи получить профессиональную помощь специалиста, даже если тебе удалось откровенно и открыто поговорить с другом». Чтобы эти советы не были проигнорированы, и учителям, и родителям нужно съесть пуд соли, вырабатывая верный стиль поведения. Более полувека назад, в 1963 году, писатель и следователь Л.Р. Шейнин написал рассказ «Тройка по физике». Написал, как говорится, по горячим следам реальных событий. Думается, обстоятельства этого старого дела — житейские и психологические — не остались в далёком прошлом. Мы узнаём в них знакомый архетип, актуальный, к сожалению, для любого времени. Писатель верил, что его читатели сумеют найти в себе мудрость — и предотвратить трагедию. В таких случаях учиться на собственных ошибках нельзя — и поэтому Л.Р. Шейнин делится с нами своим следственным опытом.

Лев Романович Шейнин (1906–1967), литератор и юрист, ответственный работник прокуратуры и киносценарист. Он слыл лучшим следователем Советского Союза, а уж популярность криминальных рассказов Шейнина, которые, как и рассказы о Шерлоке Холмсе, публиковались в газетах, была поистине массовой. Когда комсомолец Лев Шейнин со студенческой скамьи Высшего литературно-художественного института имени В.Я. Брюсова был кооптирован в ряды следственных органов, советское право пребывало в стадии становления. От принципа революционной целесообразности наша страна переходила к кодификации законов. Выработывалась и этика работы органов. Если в первые послереволюционные годы в разные дни недели, в зависимости от политической конъюнктуры, за одно и то же деяние человека могли и расстрелять, и отпустить с миром, то уже с середины двадцатых такие нравы считались анахронизмом.

Лев Шейнин был из породы людей, заряженных на успех, на плодотворную и напряжённую работу. Их, комсомольцев двадцатых годов, пассионариев XX века, вела вперёд звезда прагматизма и роман-

тики, имя которой в России в последние годы снова стали повторять официальные лица — Эффективность. В перерывах между следственными делами Л.Р. Шейнин писал не только очерки, рассказы и повести. В 1937 году он сочиняет сценарий первого шпионского кинофильма в СССР — «Ошибка инженера Кочина». Этот фильм стал образцом жанра, набиравшего силы во всём мире, — и миллионы зрителей с наслаждением следили за приключениями отвратительных диверсантов и доблестных чекистов. «Ошибка инженера Кочина» не сходила и с театральных подмостков страны. Воспитательная роль кинематографа и театра неоченима: это юные зрители «Ошибки...» в 41-м остановили под Москвой железный каток немецко-фашистских армий... В роли чекиста снялся замечательный советский актёр, истинный любимец публики — Михаил Иванович Жаров. Ещё один герой поколения победителей, поколения, остановившего самую страшную войну в истории человечества. ...А перед войной дети играли в шпионов, повторяя сочные жаровские реплики и присказки. Как и другие энергичные люди, люди быстрой и блестящей карьеры, Лев Шейнин легко поддавался искушениям эпохи, и после 1956 года выяснилось, что профессиональной писательской рукой были написаны многие уголовные дела незаконно репрессированных граждан... Не случайно Л.Р. Шейнин считался любимым соратником яростного Цицерона тридцатых годов А.Я. Вышинского (последний в двадцатые годы нередко публиковался в старейшем журнале России, ныне носящем название «Народное образование»). Как бы мы ни относились к роли Шейнина в процессах 1930-х, опыт этого яркого, одарённого человека не следует сбрасывать «с корабля современности». Его «Записки следователя» переиздают и читают, а рассказ «Тройка по физике», в котором писателю удалось соблюсти точность в описании психологии героев, остаётся прекрасным пособием для учителей и предупреждением для родителей. ■

Потом они пошли в кино, куда заранее были приобретены билеты. Николай Сергеевич был мрачен — он жалел о своей вспышке. Когда они вернулись из кино, то увидели сына, повесившегося на дверной ручке. Его ноги были подогнуты и он как бы стоял на коленях. На столе оказалась его записка.

Расследование по поводу самоубийства Юрия подробно раскрыло обстановку в семье Колесовых и характер человека, который в данном случае был наиболее ответствен за случившееся.

Выяснилось, что на заводе, где работал Колесов, его любили как прекрасного мастера и справедливого, доброго человека. К чести коллектива завода, когда там узнали о несчастье в семье Колесова, все рабочие, техники, инженеры встали на его защиту. Конечно, они осуждали его поступок, который привёл к самоубийству сына, но вместе с тем очень дружно характеризовали Колесова с самой лучшей стороны, и характеристики эти в процессе следствия были объективно подтверждены.

Следствие выяснило, что Николай Сергеевич Колесов горячо любил своего единственного сына. Он мечтал сделать из него инженера. Да, Колесов был вспыльчив, как это часто случается с добрыми людьми, и именно этим объясняется то, что произошло.

Но теперь в пользу Колесова больше всего говорило его поведение. Он не только не защищал себя и не рассчитывал на снисхождение, а, напротив, продолжал просить ареста и делал это с такой настойчивостью и горячностью, что нетрудно было понять трагическую степень его безутешного горя.

Гибель сына, в которой он считал себя целиком виновным, привела его в то психологическое состояние, когда человек видит единственное спасение в самом строгом наказании и сам умоляет об этом.

Подобного рода реакции мне не раз приходилось наблюдать по делам о бытовых преступлениях, вроде убийств на почве ревности или убийств, совершённых в состоянии аффекта. И почти всякий раз обвиняемые по таким делам, жаждавшие своего наказания, оказывались добрыми и нравственно чистыми людьми, независимо от тяжких преступлений, которые в силу роковым образом сложившихся обстоятельств они совершили и которые, с другой стороны, им, конечно, нельзя было простить.

Вот почему мне хочется повторить, что всякий раз, сталкиваясь с такими обстоятельствами и с такими человеческими характеристиками, я думал о том, как ошибочно распространённое мнение, что криминалисту будто бы приходится иметь дело только с отбросами общества.

Скажу больше: мне приходилось несколько раз наблюдать обвиняемых, моральный облик которых при всём том, что они действительно совершили, был не ниже морального облика их следователей, обвинителей и судей, а иногда, к нашей общей беде, в чём-то и выше...

Старый работник МУРа Николай Филиппович Осипов, выезжавший со мной в связи с самоубийством Юрия Колесова на место происшествия, потом, когда мы разобрались с обстоятельствами этого дела, сказал мне:

— Конечно, дружище, если подойти формально к этому делу, то всё-таки мальчик погиб и можно, при желании, привлечь его отца к ответственности. По крайней мере, никто не упрекнёт нашего брата в «гнилом либерализме». Но по существу это будет несправедливо, и мы лишь умножим одно несчастье другим.

Я согласился с Осиповым, потому что, в свою очередь, считал, что подлинного, а не формального состава преступления, предусмотренного в то время 141-й статьёй, в данном случае нет, хотя поступок, совершённый Николаем Колесовым, заслуживал безусловного порицания. С другой стороны, как мне казалось, он достаточно наказан тем, что случилось и что будет преследовать его до последнего вздоха.

К моему огорчению, эта точка зрения была принята не всеми. Дирекция школы, в которой учился Юра, прислала в прокуратуру большое письмо, в котором требовала привлечения Колесова к строжайшей ответственности и устройства показательного процесса над ним.

Письмо это было, как водится, написано с тем ложно-гражданским пафосом, за которым иногда скрываются самая подлая перестраховка и стремление на всякий случай быть большим католиком, чем папа римский.

С другой стороны, позиция авторов этого письма как бы опиралась на фактические обстоятельства дела, говорившие против Николая Колесова и при определённом освещении прямо поддерживавшие эту позицию.

Пришлось выдержать бой. Один из прокуроров решительно поддержал точку зрения школы.

— Это всё беллетристика и либеральные штучки, — сердито опровергал

он наши доводы, даже не желая как следует вникнуть в их существо. — Он сына порол? Порол. Сын из-за этого повесился? Повесился. Чего вам ещё нужно? Какой тут ещё может быть разговор?

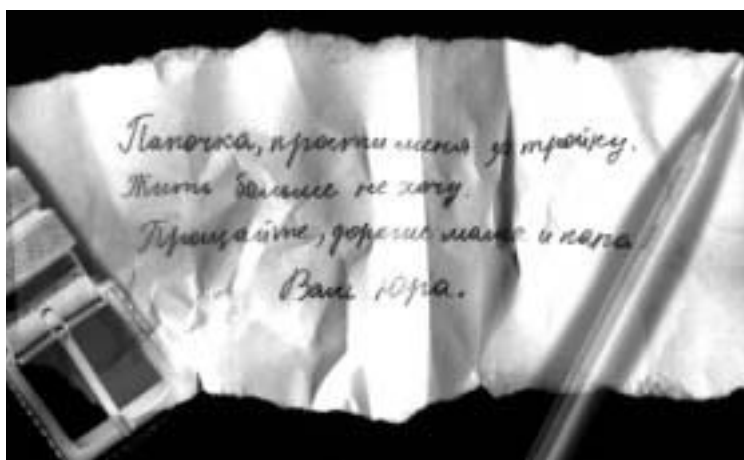
— Разговор очень существенный, — возражали мы с Осиповым. — Если бы Колесов был отцом-извергом и систематически истязал парнишку, могла бы идти речь о его уголовной ответственности. Но ведь в данном случае установлено, что он впервые выпорол сына и сделал это в состоянии аффекта, горячо любя своего ребёнка и полагая, пусть ошибочно, что такая мера наказания приведёт к тому, что мальчик станет лучше учиться. Как же можно это забывать и не принимать во внимание?

— Факт остаётся фактом! — стоял на своём прокурор. — Закон есть закон и нечего тут разводиться сантиментами. Дирекция школы права — Колесова надо судить!

Не могу не вспомнить, что несколькими годами позже мне пришлось выдержать бой с тем же прокурором по делу, о котором, вероятно, и теперь помнят старые рабочие-коммунисты Трёхгорной мануфактуры.

В тот год был принят Указ об уголовной ответственности за мелкие хищения на производстве. И вот вскоре после опубликования этого указа в Краснопресненском районе города Москвы было возбуждено уголовное дело против одной пожилой работницы Трёхгорки, которая много лет проработала на этой фабрике и была задержана в проходной с куском так называемого лоскута — отхода от рулона ткани. Об этом был составлен акт, и пожилую работницу привлекли к уголовной ответственности. Весь коллектив Трёхгорки встал на её защиту, потому что все знали её как честную и старую работницу. А тот кусок лоскута, который она взяла, не представлял никакой ценности и, как объяснила эта пожилая женщина, она вынесла его, чтобы использовать как половую тряпку. Муж этой женщины погиб на фронте.

К чести парторганизации и фабкома Трёхгорки, они обратились в городскую прокуратуру с ходатайством о прекращении

этого дела. В этом ходатайстве им было отказано. Тогда они обратились в следственный отдел Прокуратуры Союза, и я, ознакомившись с этим удивительным делом, тут же вынес постановление о его прекращении.

Через несколько дней районный прокурор, возбудивший это дело, принёс жалобу на моё постановление. Эту жалобу рассматривал тот же прокурор, который в своё время требовал привлечения Колесова к ответственности.

— Вы что, не понимаете, что такой либерализм срывает реализацию важнейшего указа? — гремел он. — Как можно прекращать такое дело? Это же политическая слепота!

Слушая эти крики, я с горечью подумал, что в технике придуманы приспособления, которые американцы называют «защита от дураков», а вот в нашем деле таких приспособлений, к сожалению, нет...

Я не называю фамилию этого прокурора лишь потому, что он вовсе не был извергом, как это может показаться читателям. Скажу больше — он был по-своему честным человеком и искренне верил в то, что его позиция «политически правильна». Он просто слишком дорожил своим местом и относился к числу тех ограниченных людей, которые не в состоянии увидеть за буквой закона его подлинный и живой смысл. Свойственная этому человеку «душевная недостаточность» являлась, как говорят врачи, «противопоказанием» его работе в прокуратуре, что в конце концов и было понято — он был освобождён от своего поста.

К счастью, на оперативном совещании, на которое прокурор вынес этот вопрос, товарищи поддержали меня, и прекращение дела пожилой работницы Трёхгорки было оставлено в силе.

Возвращаясь, однако, к делу Колесова. Следствие подошло к концу. Были допрошены все возможные свидетели и выяснены все возможные подробности. Гибель сына образовала почти пропасть между его матерью и отцом. Мария Петровна — так звали жену Колесова — не могла простить мужу случившегося и считала, что он повинен в этой страшной беде. В то же время, любя мужа, она мучительно пыталась скрыть от него всё, что она думает и чувствует в связи с этим несчастьем.

Николай Сергеевич, в свою очередь, старался реже бывать дома — ему было страшно оставаться наедине с женой.

Продолжая добиваться своего ареста, он однажды сказал:

— Да поймите же, что я больше не могу так жить, не могу Маше в глаза глядеть!.. И самое страшное — когда мы остаёмся вдвоём...

Не выдержав, он заплакал — заплакал совсем по-детски, всхлипывая и вздрагивая плечами. Горе окончательно сломило этого добродушного и крепкого человека, который лишь теперь осознал недопустимость той формы наказания, которому он подверг своего сынишку.

Колесов вырос в крестьянской семье, и в детстве его не раз порол отец за всякие мальчишеские шалости и провинности.

— У нас в деревне на это смотрели просто, — рассказывал он. — Мне и в голову не могло прийти, что на Юру это так подействует. Я ведь его без памяти любил. И Маша тогда кричала: «Не смей, Николай, оставь его!..» И даже из квартиры убежала. А я словно осатанел... И по-дурацки считал, что доброе дело делаю, что отец должен быть строгим, чтобы сына хорошо воспитать... Вот и воспитал — всех троих погубил: и его, и Машеньку, и себя!..

Теперь Колесов, чтобы поменьше бывать дома, оставался работать на вторую смену.

В коллективе чутко отнеслись к нему, и товарищи по работе старались, чтобы он не оставался один, наедине со своим горем.

Он страшно изменился за те несколько дней, которые заняло следствие по этому делу. Его широкое и доброе крестьянское лицо резко осунулось и постарело. Изменилась даже его походка — теперь он ходил как-то неуверенно, как бы не очень твёрдо владея ногами и заметно сутулясь. Иногда он вдруг останавливался на полуслове, о чём-то задумавшись и уставившись каким-то отсутствующим взглядом вдаль. Потом, вздрогнув, тихо спрашивал:

— Так вот, о чём у нас был разговор? Извините, у меня что-то с головой... Я ведь все эти дни заснуть не могу...

Очень изменилась и Мария Петровна. Маленькая, ладная, большеглазая женщина, только вступившая в четвёртый десяток, она ещё совсем недавно была вполне счастлива в своей семейной жизни. Теперь всё это рухнуло. Она знала, как нежно любил своего мальчика Николай Сергеевич, и с чисто женской чуткостью понимала всё, что творится теперь в его душе, но была бессильна помочь ему, тем более что сама считала его во всём виновным, и подсознательно не могла ему этого простить.

И вот теперь, сжигаемая безутешным горем, так яростно осуждая в глубине души и в то же время так трепетно жалая мужа, Мария Петровна как бы мета-

лась между этими противоречивыми чувствами, как между двух огней, ни один из которых не мог погасить другой...

Мне с Осиповым удалось постепенно внушить ей, что Николай Сергеевич слишком наказан случившимся, чтобы упрекать его в этом, и что теперь от её поведения многое зависит. Она с этим согласилась.

— Да, конечно, о чём говорить, — тихо говорила она. — Юрочку не вернёшь, а жить надо. Николай так убивается, что мне за него страшно, как бы он с собой чего не сделал... Я уж постараюсь, но только никак не могу ему в глаза посмотреть — вдруг догадается, что у меня на душе... Вчера утром мы с ним на кладбище встретились... Я цветы на могилку принесла, гляжу — он сидит... прямо с ночной смены туда пришёл. И весь в слезах. Увидел меня, пуще заплакал и говорит: «Никогда ты меня, Машенька, не простишь!.. И сам я себя тоже никогда ни прощу!..»

Однажды вечером мы сидели с Николаем Филипповичем Осиповым на Тверском бульваре, отдыхая после работы, и, как всегда в эти дни, говорили о семье Колесовых. Николай Филиппович мне тогда сказал:

— Очень я люблю нашу работу, но самое страшное в ней — это то, что слишком много человеческого горя приходится видеть. Знаешь, иногда мне кажется, что рано или поздно это можно будет прочесть на моём лице. Как часто люди сами повинны в своих страданиях, и как трудно научить их правильно жить!..

Он замолчал. Было уже довольно поздно, но фонари ещё не горели и вечерняя свежесть ходила волнами по аллеям бульвара, довольно пустынного в этот час.

Неожиданно из боковой аллеи донёсся женский плач. Мы оглянулись и увидели молодую женщину, рыдавшую на груди у мужчины, растерянно гладившего её по голове.

Стараясь её успокоить, он бормотал:

— Танюша, ну что поделаешь! Пойми — жалко детей, они ведь ещё совсем маленькие! Пойми, я не могу их оставить!..

— Вот, двое любят друг друга, — сказал Осипов, — а теперь прощаются — он не хочет оставить семью. Тоже человеческая драма. Эх, как много ещё бед на свете!..

Он вдруг замолчал, долго раскуривая папиросу, а потом неожиданно добавил:

— Нет, нельзя привлекать Колесова. Правы мы, а не прокурор, и смысл закона в том, чтобы он помогал людям жить, а не умножал их несчастья. Так и только так надо толковать законы. И так надо их применять!..

На следующий день после долгого и утомительного спора прокурор в конце концов согласился с нами, и дело Колесова было прекращено.

Много лет прошло с тех пор, но и теперь, вспоминая об этом деле, я не убеждён в том, что все читатели согласятся с правильностью нашего решения. Я не убеждён в этом потому, что существует удивительный психологический закон: самый факт самоубийства, если оно произошло при подобных обстоятельствах, нередко вызывает в людях, столкнувшихся с таким фактом, стремление покарать того, кто, по их мнению, в этом виновен. Само по себе это стремление глубоко человечно и его можно понять, но оно, к сожалению, иногда основывается на чисто поверхностном рассмотрении того запутанного узла, который так туго затягивает порой жизнь, со всеми её противоречиями, сложностями человеческих характеров, мотивов и поступков.

К этому надо добавить, что самоубийство Юрия Колесова произошло в тот период, когда он уже вступил в переходный возраст. В этом возрасте у мальчиков ломается не только голос, и период этот, по чисто биологическим причинам, нередко связан с повышенной впечатлительностью и определёнными психическими сдвигами. Этого не понимал его отец, вспышка которого привела к такому трагическому концу.

Вот почему теперь, вспоминая об этом деле, я убеждён в правильности его прекращения, благодаря чему одно большое несчастье не было умножено другим. **НО**